

The cover features a person with long dark hair, seen from behind, wearing a dark jacket. They are standing in a stone archway, looking out onto a city street at sunset or sunrise. The sky is a mix of orange, yellow, and purple. A dark, shadowy figure is visible on the street to the right. The overall tone is mysterious and ominous.

Роман Сидоркин

Городской Ужас

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Игоревич Сидоркин

Городской ужас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39256779

SelfPub; 2023

Аннотация

История погружает нас в прорубь безумия одного человека, который встал на путь борьбы со стихийной жизнью человеческого муравейника.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава I	8
Глава II	24
Глава III	29
Глава IV	39
Глава V	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Сидоркин

Городской ужас

Пролог

Прекрасна Москва в лучах заходящего солнца. Редкий автомобилист не опустит защитную панель, ослеплённый бликовыми стёклами окон в геометрии окружающего пейзажа. Кажется, будто сам воздух погружается в сон, и город, обрастая тенями превращается в свою 3Д-модель.

В спускающемся полумраке ещё можно встретить прохожих, неспешной походкой прогуливающихся по центральным улицам, но вскоре на смену им выплывут высушенные комки материи, с устремлённым в землю взглядом и органическим нежеланием видеть друг друга.

На углу каждого дома Центра угадывается взгляд камер, несущий спокойствие и умиротворение, если верить голосу в метро.

Никто из бегущих домой не смотрит вокруг, чтобы вдохнуть ту умиротворяющую дремоту, что опускается на город в этот час. Каждый влюблён в свой диван и телевизор. А может быть и в компьютерный монитор.

В каждой системе есть элементы того вида, что не вписывается ни в один известный механизм. Люди такого сорта

обречены быть жертвами. Добровольными или нет — влияет только на след, который они после себя оставят. Семья, не умершее в себе не даст всхода — оно сгниёт, а приносящие себя в жертву добровольно — дадут ствол и плоды.

Люди, копошащиеся в этом городе, не хотят делиться. Каждому здесь всего мало. Мало тем, у кого нет машины, чтобы постоять в пробке, мало тем, у кого несколько квартир, машин и друзей в госаппарате, мало тем, у кого особняк, лимузины, виллы на разных побережьях, лучшие проститутки или мальчики-содержанки. Каждый хочет больше.

Движения в этом городе напоминают движения сломанных марионеток, а разговоры — псиный лай и визжание.

Есть элементы, которые не вписываются в систему.

Людям свойственно сбиваться в стаи, так что нежелающие вписываться в круговорот доения, создают свои параллельные общества. Они закрыты и невидимы, однако дают своим членам атмосферу радушия и душевного комфорта, что в нормальных условиях предлагают семьи, друзья и близкие.

И, как всегда, есть те, кто просто по природе своей не может вписаться никуда.

Бредя по арене Садового Кольца, молодой человек в синей куртке с воротником высотой до середины затылка, также как остальные, смотрел себе под ноги. При этом в его голове крутились мысли, не связанные с повседневностью.

Повседневность... Что это? Просто набор привычных стереотипов поведения, навязанных необходимостью или при-

вычкой, а то и родительской волей, ещё с детства.

Молодого человека огорчало, что для выхода из повседневности не помогают ни наркотики, не дающие почувствовать ничего, что человек не смог бы ощутить без них, ни ночные клубы и прочие развлечения подобного сорта, так как момент короткого выхода в экстатическом танце имеет свойство обрываться, и чтобы его продлить, надо приходить туда вновь и вновь, обращая это в привычку.

Так что же тогда? Парень уже знал ответ, хотя он ему не нравился.

Нормальная жизнь. Но не по установленным правилам, а по своим. Использование культурных достижений, установление режима работы, отдыха, семья, очаг, дети, старость...

«Невыносимо! Но выхода нет, – думал он – это не пройденный подростковый бунт играет».

Но все эти невесёлые мысли были вытеснены воспоминанием о вчерашнем случае.

Он точно также возвращался довольно унылой чередой улиц и дворов, тающих в закатном солнце. В руке держал купленный только что «Сникерс» – эквивалент разрешённой самому себе дневной порции сладкого. Проходя мимо колодца у обочины, он услышал едва уловимое пение. Это был протяжный восточный мотив, его звучание было настолько сладким и завораживающим, что руки и ноги размякли и перестали слушаться.

Он осознавал всё, что происходит, ощущал своё тело и

потому не боялся. Он знал, что в нужный момент сможет сбросить оковы и уйти. Несмотря на то, что пение было едва различимо в гудящем от автомобильных шумов воздухе, его источник, как будто подсвечивался в сознании – закрытое люком отверстие колодца.

Периферия зрения исчезла – остался один колодец и ангельские голоса, отыгрывающие своё существование в льющейся мелодии.

Что им двигало? Конечно, любопытство – не сама мелодия. Впоследствии он изменит мнение на этот счёт.

Шаги, которые были сделаны до колодца, стёрлись из памяти. Остался только люк и невероятное, растворяющее в себе пение.

А потом люк колодца взлетел, поднятый чёрными острыми щупальцами. Раздался звук между свистом и визгом, режущий разнежившуюся душу как ржавый нож. Одна из щупалец схватила «Сникерс». Владислав упал и попытался отползти, но чувства брошенности и безграничного одиночества парализовали его волю. Жить и что-то делать не хотелось. Сознание оставило его.

Так он познакомился с тем, что про себя назвал Крабусом.

Глава I

Бывает такое настроение, что хочется не то в космос полететь, не то из окна выпрыгнуть. Владислав часто пребывал в таком, хотя мечтателем его можно назвать едва ли. Позывы к выходу за пределы существующих рамок бытия не оставляли глубоких следов в его сознании. Да, иногда хотелось чего-то «эдакого», но желание умирало в голове, даже не выродившись в осмысленный план. Они проявлялись только в частом ощущении несуразности жизни: как в книгах Пелевина. И молодой человек не испытывал к этому чувству симпатии.

На парах и работе, когда доводилось отрешиться от надоедливого внимания преподавателей и коллег, Владислав погружается в некое подобие транса, уходя во всплывающие из подсознания образы – примерно как при медитации, но без специальных поз и ритуального пения. Может это признаки развивающейся шизофрении, которая, как сообщает медицинский справочник, может вступить в силу к тридцати годам, а может просто мечтательные черты характера матери, которые спорили в его генах с практичностью отца – молодой человек сам толком не мог определить.

С таким характером трудно построить «нормальную жизнь», а именно замкнуть круг: работа, семья, увлечения. Ведь жизнь с таким состоянием ума превращается в колыхание поплавка на воде: он то погружается в реку фантазий,

то выпрыгивает вверх в поисках компании и приключений, то несётся по течению, а иногда и против – воображая себя борцом с обстоятельствами.

Владислав осознал это ещё в десятом классе, но, как водится, дойдя до финальных курсов высшего образования, не нашёл жизненных ориентиров и даже не смог прикипеть к своей профессии. Менеджер по продвижению товаров на аутсорсе – занятие интересное, но не то, чему бы он хотел себя посвятить.

Пропустив весь семестр перед финальными экзаменами, он оказался в экстремальных условиях отработок учебных долгов и тонкой вузовской дипломатии, владение которой очерчивает зыбкую грань между реальными знаниями и признаками, по которым преподаватели «интуитивно» чувствуют, что человек «знает», и потому дают допуск к сессии, даже если студент реально ничего не знает.

К этому пионерскому способу создавать себе проблемы, а потом решать их он прибегает в течение всей жизни, чтобы как-то справиться со скукой. Поэтому в среде преподавателей он приобрёл имидж «очень неровно», как, покачивая головами, с нотками сожаления в голосе произносили старые девы.

Что же до личной жизни, то Владислав от случая к случаю перебивался случайными встречами и быстрым сексом – в основном с бывшими студентками своего факультета, по тем или иным причинам, его покинувшими.

Отношение к религии у Владислава было таким же, какое у большинства современных молодых горожан: религия не была для него объектом презрения или ненависти, как у молодых горожан в начале прошлого века, но не была и близка. Он не рассуждал о жизни в религиозных категориях. Он признавал важность этого социального института, но понимал, что его ключевая роль осталась в далёком прошлом, так что теперь она является символическим рудиментом. Ни следовать религиозным канонам, ни спорить с ними, у Владислава не было ни малейшего желания.

Русская демонология довольно бедна, не понятно по причине специфики православной доктрины или из-за отсутствия мощного мифологического фундамента, подобного тому, что имел Данте в качестве наследства от древних греков и римлян. Да и кому придёт в голову заниматься демонологией, кроме экзальтированных, одиноких и замкнутых подростков и несчастных женщин?

Владислав помнил, как в детстве мать взяла его к своей однокласснице, которая с семьёй жила в старой квартире ветхого панельного дома. Находясь в этой квартире, из которой те скоро переехали, она ощущала какое-то присутствие. Мать не могла сказать точно, что она чувствовала, но это было что-то нехорошее. Собака, подаренная им на грядущее новоселье, чем-то заболела и в течение трёх дней высохла и умерла накануне переезда. Владиславу было неприятно вспоминать четвероногий скелет, обтянутый кожей с

участками облезшей шерсти и проглядывающими через синеватую кожу внутренностями.

Но сам он не верил в потустороннее и в мистические энергии. Поработав в отделе маркетинга, он научился не верить ничему, что прилетает в уши в виде осмысленных кем-то фактов, а большая часть мистической информации циркулирует в виде сентенций, так называемых, «учителей». Разговоры об этом его даже раздражали. «Вместо того, чтобы делать нормальную карьеру, кормить семью они занимаются какой-то хернёй, выпадают из жизни», – рассуждал он.

Он долго не мог поверить в случившееся. В принципе, он не верил до самого конца, исподволь думая, что слетел с катушек. Это то самое странное ощущение, когда делаешь что-то «как бы». Знаешь, что причина ситуации в чём-то другом, но всё равно отталкиваешься от осознанных тобой же, как ложные, фактов. Даже в финале своей истории его одолели сомнения – до того он не был готов поверить во всё случившееся.

Сразу после события во дворе на Тверской перед его мозгом стояла задача: классифицировать произошедшее. Что это было? Продукт выхлопа уставшего мозга, в попытке защититься от скучной реальности? Что-то иное?

Все манипуляции и передвижения тела можно было бы определить как результат галлюцинаций, но пропажа «Сникерса» была весомым аргументом в пользу вмешательства чего-то внешнего. Влад решил сходить на место и осмотреть

его.

***

Была ночь. Ветер рвал ветки деревьев, двигая тени на стене комнаты. Накрапывал мелкий дождь, периодически ветер бросал эту морось в стёкла, в ярости, что человек отгородился от стихии. Владислав плохо спал. Что-то всё время мерещилось в стуке дождевых капель о карниз и в тенях, что складывались в чудовищные лица около его кровати. Было чувство, что к нему подступает что-то нехорошее.

Резко подняв голову, он окинул взглядом помещение — оно было пустым и только фонарный свет, вливаясь сквозь незанавешенное окно, создавал фон для теней на стене. Маленькая зелёная лампочка хромированного будильника мигала на комод у противоположной стены. Нарочно далеко, чтобы надо было подняться и выключить противный механизм.

Воображение стало рисовать жуткие картины изломанных человеческих фигур, насекомоподобными движениями заползающих в его комнату. Но комната была пустой.

Влад принялся обуздать воображение. Он научился делать это в детстве из-за назойливых мыслей и чудовищ, которых представлял себе под кроватью. Он воображал старый телевизор с выпуклым стеклом, который появился у них в большой комнате вскоре после его рождения, а затем выключал его. Рябь на какое-то время угасала, но потом телевизор снова включался.

На этот раз его раздражало дрожание веток за окном, бие-ние капель воды о стёкла, фонарный свет, что, как назло, горит в три часа ночи.

Он ворочался около часа и, наконец, отвернувшись к стене и приняв позу эмбриона, почувствовал, что начинает успокаиваться и проваливаться в сон. В момент, когда засы-пающий переходит в это чудесное состояние, где всё возможно, он ощутил присутствие. Такое чувствуешь, когда кто-то, кто сильно тобой заинтересован смотрит на тебя где-нибудь на остановке. Влад знал, что это просто часть информацион-ного шума, что вечно шипит у него в голове, и поэтому не шевелился. Мгновение спустя, он почувствовал, что холод-ные щупальца проникают в его мозг и начинают высасывать жизнь. Он резко повернул голову и увидел в нескольких сан-тиметрах над собой блестящую в свете фонаря лысую голо-ву с искажённой безумной яростью рожей и длинным алым языком, торчащим изо рта. В голове зазвучал чей-то вопль, и голова бросилась ему в лицо.

Владислав вскрикнул и вскочил на постели. Он по-преж-нему был один в комнате, за окном шёл мелкий дождь, а вет-ки деревьев рисовали на стенах пляшущие тёмные узоры.

***

Утром Владислав, зная, что ничего не найдёт, стал обыс-кивать комнату в поисках следов чьего-то присутствия. Он заглядывал под кровать, открывал ящики комода, осмотрел шкаф – само собой ничего там не было.

Перед выходом, уже позавтракав, он зашёл в комнату, чтобы захватить с комода кое-какие вещи для работы и, уже отворачиваясь, заметил мелкую деталь, на которую в любой другой момент не обратил бы внимания. Кремовая штора, висевшая сбоку от окна, была вспучена со стороны улицы. Сначала он не понял, почему за это зацепилось его сознание. Потом в голове промелькнула мысль, что штора не могла быть выгнута с той стороны: у него уже давно стояли пластиковые окна, так что сквозняк с улицы не проник бы.

Виски стянуло, как будто обруч с закручивающимся механизмом сдавливал ему голову. Владислав подошёл к шторе и, собрав волю в кулак, резко отдернул её. За ней ничего не оказалось. «Может просто осталась складка после уборки», – попытался он себя успокоить, хотя прекрасно понимал, что мягкая ткань в принципе не способна самостоятельно поддерживать какую-либо форму.

Владислав бросил в рюкзак флешки, нервно огляделся по сторонам, обул кроссовки и вышел из квартиры.

В это время кремовая штора заколыхалась, и на ней проступила выпуклость. Если бы кто-нибудь стал приглядываться, он бы увидел неровные очертания лица

***

После долгих часов интенсивной работы мозга организм требовал немедленной смены положения и воздуха.

Стояла неладная хмурая погода, но бывают дни, когда и она радуется. Когда витает в воздухе что-то, содержащее намёк

на свободу и грядущие перемены. В большинстве случаев такая атмосфера исчезает, не оставляя даже воспоминания о себе. Но на этот раз Владислава переполняла уверенность, что нечто должно произойти, причём нечто такое, что перевернёт всю его жизнь. Правда, он не знал на какой бок.

Выйдя из подъезда со стеклянными дверями, он вставил наушники и нажал на сенсорную кнопку. «Биопсихоз» и трансовые треки понесли его по волнам предчувствий и непонятных ожиданий, как будто он перестал быть человеком, а увидел себя сверху – комочком материи, перемещающимся из пункта в пункт, руководствуясь странными двухмерными мотивами. Прежде чем идти на место первого столкновения, Владислав зашёл в кафе и взял сэндвич. Внутри сидеть не хотелось – он вышел за дверь и принялся за ужин на верхней ступеньке, пропуская редких посетителей и шумные группы непонятно чему радующихся молодых людей. Один из подростков задел его плечом.

– Ты бы извинился, парень! – развернувшись, сказал Владислав.

– А ты не стой на входе, – ответил тот.

Мелкая морось стала заметна на фоне горевших в поздних сумерках фонарей. Владислав засунул в рот остатки сэндвича и, отлипнув от стены, медленно зашагал в сторону Тверской, где в одном из дворов встретился с пожирателем «Сникерсов». «Крабус... Почему Крабус? – подумал он. – Странное название пришло в голову, эти щупальца совсем

не напоминают...» С громким сигналом прямо мимо него пронеслась скорая, Владислав едва успел отскочить. «Решили подобрать новых пассажиров?!», – с раздражением подумал он.

«Разрежь вены – стань свободным!», – несло из наушников и раздражение на мир сгорело и захлебнулось в адреналиновой волне.

«Семь с половиной часов», – увидел он время на большом электрическом циферблате над гигантским глобусом.

Наконец, он стал узнавать приметы места, где повстречался с неизвестным. Теперь адреналин кипел в крови не из-за музыки, а из-за того, что, если он ничего не обнаружит, это будет означать, что он сошёл с ума, а если найдёт... Крабуса... Он не знал, что будет делать. «Собственно, для чего я сюда пришёл?», – подумал он. Но возвращаться было уже поздно. Он свернул за угол после окончания гигантского арочного прохода в один из дворов на Тверской.

***

Когда он проснулся, было так тепло и сладко, что долго не хотелось вылезать из-под одеяла. Так тепло, так безопасно... Ощущение блаженства от пробуждения, после которого не нужно вскакивать и куда-то идти, согревало внутренности лучше горячего чая после холодной морозящей улицы.

«А почему я, собственно, никуда не должен идти?», – вдруг подумал он. Отрезвляющий вопрос прокатился по телу, ежом проскребая себе дорогу от грудной клетки до паха.

Владислав вскочил. Будильник почему-то не работал, он посмотрел на часы своего смартфона. Среда, 10:19 – сообщило ему устройство. Он быстро собрал вещи и, не позавтракав, выбежал на лестничную клетку. «Чёрт, и будильник не сработал, и...

– А как я оказался дома? – произнёс он вслух, поднимая глаза к белому потолку.

Держась за хромовую ручку вагона метро, между уныло стоявшими пассажирами, Владислав пытался восстановить события вчерашнего вечера.

За поворотом арки был обычный московский двор, утопающий в сумерках тёмной густой зелени. На асфальте одной из парковочных площадок он заметил участок, огороженный красно-белой лентой в полоску, натянутой между конусами. «Вероятно, это то самое...» «Молодой человек, что вы встали у выхода, дайте выйти!», – завопила маленькая неприятная женщина из-за спины. Лента и впрямь огораживала участок вокруг открытого люка, при этом поблизости нет крышки... Владислава обдала холодная волна страха. На этом месте память стала сопротивляться попыткам проникнуть глубже.

«Станция Маяковская», – пропел профессиональный женский голос. Владислав вышел вместе с толпой, и его понесло к эскалатору.

«То это место или нет?», – думал он, стоя возле колодца. – Если даже оно, то если полезу туда, кто-нибудь при-

цепится. Хотя, какое им дело...» Он пригнулся и, приподняв ленту, подобрался к колодцу, и, больше не раздумывая, стал спускаться по круглым железным перекладам. Десять секунд спустя к сомнению добавилась ледяная рука страха, стянувшая волосы на затылке. Воздух стал более спёртым, становилось душно. «А зачем я вообще спускаюсь, что я буду делать внизу?», – он упорно задавал себе этот вопрос, а ответ также упорно ускользал от ищущей длани разума. К безумной влажности добавилась нота канализационной вони. Наконец, ещё повисившаяся влажность известила о том, что он у самого дна. Влад на миг задержался, а затем спрыгнул с последней переклады. Знакомое всем, кто хоть раз делал шаг со ступеньки в полной темноте, чувство, что ты проваливаешься в пустоту захватило дыхание, но через долю секунды раздался всплеск и тёплая влага захлестнулась в ботинки. Было жутко душно, чувствовалось даже перемещение этого осязаемого воздуха. В голову совершенно не к месту пришла мысль, о том, каким образом это строилось в те далёкие времена, в начале XX или, тем более, в более ранние века.

После того, как он включил фонарик смартфона, пришло окончательное раскаяние: а что он собственно намеревается тут делать? Единственным доступным действием было – идти, и Влад пошёл.

Владислав не сразу посмотрел на часы: было уже 21:22. По его расчётам, он шёл около десяти минут, значит...

«А ничего это не значило тогда», – оборвал он свою мысль, сходя с эскалатора.

На гранитных ступеньках у выхода, как всегда, была давка – люди не могли поделить большое количество дверей на выходе.

На улице висела лёгкая, приятная прохлада – после духоты метро очень поднимает настроение.

Страх вспомнить всё, что было вчера, тянул как гиря на верёвке, но он не собирался сдаваться. Бодрыми шагами он дошёл до стеклянного входа в офисное здание.

В тепле офисного лабиринта, где вопреки всем крикам об уважении личности в «Нашей фирме», нет не то, что уважения, но и места для самой личности, стоит множество светящихся мониторов и жужжащих вычислительных машин. Каждая трудовая единица привносит свою лепту в ореол успеха собственников фирмы и питается пылинками этого успеха.

Маркетинговые агентства – это элитные заведения для тех, кто недостаточно талантлив, чтобы заниматься творчеством, недостаточно напорист, чтобы вести свой бизнес, но достаточно чуток и свободолюбив, чтобы ощутить настроения массового потребителя, не срастаясь с ним в одну массу. Почему, собственно Владислав и пришёл сюда. Это место не чуждое творчеству, хотя и специфической формы и иногда здесь выделяют отдельный кабинет.

Компания, в которой работал Влад, занимается продви-

жением товаров массового, но с претензией на «продвинутых», потребления, и уже долгое время была на коне. Так что у Владислава был свой небольшой, но офис.

Влад, пройдя через холл и поздоровавшись со знакомыми, вошёл в свой уютный уголок чуть в стороне от лабиринта тонких стенок, между которыми обитает планктон.

Сбросив рюкзак на пол, возле рабочего стола, он нажал кнопку включения на компьютере. По завершении загрузки, монитор выстрелил в глаза сообщениями о заданиях по мелочи – это ежедневно даётся в нагрузку к крупным проектам, за некоторые из которых отчитываться приходилось раз в квартал. Влад бегло пробежал их глазами – ничего, он успеет. Мысли понеслись во вчерашний день... Вдруг раздался звонок.

– Да?

– Коваленко, почему опоздал?

– Извините, Александр Викторович, плохая ситуация в метро.

– Раньше выходить надо. Есть прогресс по «змейкам»?

– Разойдётся как горячие пирожки! – бодро отрапортовал Владислав – идея хоть и бредовая, но вполне может зайти, а я запущу все скудные точки узнавания в мозгах потребителей.

– Ладно, смотри. До связи.

– До свидания.

Владиславу очень нравился либерализм, доходящий до разгильдяйства, царящий в компании. Если хоть на секунду

допустить, что маркетинг – это разновидность творчества, то, как и всякое творчество, он не может существовать в несвободной атмосфере. Это было уже второе крупное опоздание за последние две недели.

Наконец, он сел и начал вспоминать.

Влажность стоит такая, что воздухом можно захлебнуться. Он бесполезным движением вытер лицо – всё равно через несколько секунд с него польются ручьи. В поле зрения попадает лишь то, что выхватывает фонарик из космической темноты канализации. «А что я там искал?», – снова задал он себе этот вопрос. Странно, он помнил, что задавал себе этот же вопрос ещё там, под землёй, но не помнил, ответил ли на него. Вода ручейками просачивается через стены и стекает в болото, которое достаёт уже до колен. По голове непрерывно бьют вонючие капли. Через несколько десятков метров канализационная вонь стала острее.

«Зачем я сюда спустился?»

За поворотом вода стала резко подниматься и уже доходила до верхней части бёдер. Абсурдность происходящего не даёт сосредоточиться и наконец осознать, что он тут ищет. Где-то впереди послышался всплеск, он остановился. Ничего необычного не было, только эхо разносит всплески воды от его ног и шлепки падающих капель. Он идёт дальше, и когда начинает с трудом передвигать ноги в мутной воде, слышит параллельный своим шагам звук. Впереди идёт кто-то ещё. Тело охватила дрожь, заставившая

мелко трястись нижней челюстью. С трудом успокоив себя мыслью, что возможно тут ходят диггеры, он пошёл дальше, предварительно направив свет фонарика вперёд, повыше. Не то, чтобы свет фонаря доставал до дна, когда он светил чуть ниже, так, что было видно ноги до колен, но это помогало создавать визуальный ландшафт дна в голове, чтобы не оступиться. Он пропустил момент, когда вода температуры человеческого тела поднялась до пояса, до того уровня, когда тело человека принадлежит воде. Он споткнулся и выронил смартфон в воду.

Какое-то время Влад стоял, давая глазам привыкнуть к темноте. Бессмысленно: тьма была абсолютной. Вдруг он уже не слышал, а почувствовал движение чего-то сопоставимого по размеру с человеческим телом. Оно ушло под воду. Тело было физическим, потому что он ощущал движение в толще воды. Странно, но сердце не выпрыгивало из груди – на этот раз оно замерло, как будто затаилось. Вдруг в глубине зажёгся свет. Это точно не его смартфон – у того не было водозащиты. Свет из глубины стал приближаться. Он увидел руку, держащую прямоугольник смартфона. Тот вынырнул, слепя и не давая разглядеть кто перед ним. Прошло две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять секунд... Свет оставался на месте, и человек впереди не двигался и не заговаривал.

В дверь постучали.

– Да?! Крикнул Владислав напряжённо.

– Слав, пойдёшь на обед? – задала вопрос миленькая рыжая головка, просунувшись в дверь.

– А... Нет, спасибо. Я сегодня опоздал, позавтракал тоже поздно, – соврал он. – Позже перекушу.

Дверь закрылась. Последнее воспоминание не желало покидать кладовку памяти.

Вдруг его дёрнуло как от удара током.

Из густой тьмы, образовавшейся за источником света, в освещённое пространство стало вливаться лицо. Он догадался кто это едва кончик носа и подбородок оказались в его полосе. В покрытое светом пространство втиснулось его собственное лицо, только глаза смотрели глухо, не содержа в себе ничего человеческого. Секунду оно смотрело на него двумя чёрными колодцами, освещённое фонариком снизу. А потом его собственные губы в отражении выдали мёртвенную улыбку с чёрным провалом рта. И больше Владислав не мог вспомнить ничего из этого вечера.

Глава II

Снова подывал ветер и снова, как и в предыдущие ночи он не мог спать. Ночь, сгустившись из сумерек, заволокла привычную картину за окном и опустила на огромный город свой мрак. Кто-то пользуется им, чтобы делать то, чего нельзя делать днём, кто-то выходит на крыши, чтобы посмотреть на звёзды, а кто-то просто пытается уснуть. Но Владислав не принадлежал ни к одной из этих категорий.

Поначалу он не придавал значения происходящему и каждый раз, как в детстве, когда в голове начинал вещать серый ламповый телевизор, он пытался выключить мерцающую цифровую рябь. Пройдя постсоветские образовательные учреждения, лучшее, что может осознать подрастающий человек – это то, что во всём, от начала до конца нужно полагаться только на себя – это способствует формированию трезвого взгляда на жизнь. Циником Владислав не являлся – просто хорошо умел отграничивать реальность от выдумки.

«То, что творилось в моей жизни, напоминает завязку фильмов про безумцев, – думал он». Но человеку, которому нужно рано вставать, чтобы успеть на работу это по боку. Он просто существует, а в перерывах – глушит подавленные желания развлечениями, приводя себя в пригодное для продолжения жизни состояние.

Теперь же что-то изменилось.

Кошмары наяву стали преследовать чаще, многие привычные вещи, как поход в туалет, после выпитого на ночь стакана воды, превратились в пытку, а днём выбивали из колеи расплывающиеся и дрожащие головы прохожих и водителей, которые, казалось, смотрели только на него. Другие прохожие последнего явно не замечали. Но после столкновения с Крабусом – единственным пока физическим контактом с необъяснимым, Владислав осознал, что эти твари реальны и могут причинить вред.

Он почти перестал спать. Трудоспособность упала до нуля, и он запаздывал с проектом уже на три недели, а те мелочи, которые ему поручали ежедневно, делал хуже и хуже, буквально впадая в ступор при каждой новой задаче. Похоже, мечту о реализации плана «Нормальная жизнь» придётся на время забыть. Придя к этой мысли, он с иронией усмехнулся.

«Как там её? Светлана кажется. Симпатичная такая конфетка. Голова вроде тоже на месте...». Он вдруг понял, что не может вспомнить, где с ней познакомился. Беспокойство охватило тело с новой силой – теперь в крови бродил адреналин из-за того, что он не мог вспомнить где познакомился с красивой брюнеткой, с которой они отлично поговорили за барной стойкой... «А, да, барная стойка... Так, а я был в баре?»

Владислав высунул руку из-под одеяла, чтобы подтянуть его. Руку как будто пронзило иглами. За пределами одеяла

было адски холодно – до такой степени, что плоть почти ledenела. Он засунул руку обратно, она и вправду оказалась очень холодной – значит это не галлюцинация. Привычка к происходящему и в то же время надежда, что всё это временно, не дали страху парализовать мысли. Проблема была только в том, что он по-прежнему не мог уснуть. И он был один.

«А давно ли я общался с друзьями?» – вдруг возник неуместный полуриторический вопрос. От этого вопроса что-то неприятно холодело и сжималось внутри, и он тут же хватался за соломинку рассуждений. «У меня, похоже, и нет друзей. После университета встретились пару раз, посидели в баре и с тех пор даже не переписывались. А ведь сидели же в одном ряду с некоторыми...» Вывод ему не понравился. Стало тоскливей. Почему-то от бесперспективности будущего страдаешь больше, чем от самого тяжёлого положения в настоящем. Тоскливее. Но оставалась ещё работа и отличный коллектив. Настя, секретарша опять же. Очень интересная девушка, надо будет сходить с ней в кино...

Он почти заснул. Момент был так зыбок, что если бы он стал ловить это состояние, боясь упустить сон, то из-за усилия воли, оно бы тотчас улетучилось, и ему бы пришлось снова лежать и бояться.

Нет, он не одинок. Его одиночество – его собственный выбор, он сам не стремился к общению с другими.

Вот, вспоминается множество случаев, когда и в универ-

ситете, и в отдельные моменты жизни, в разных местах к нему подходили люди, что-то спрашивали, о чём-то просили или просто заговаривали о чём-то отвлечённом. Он почти неизменно выполнял их просьбы, отвечал на вопросы, но сам задавал только из вежливости, потому что интуитивно чувствовал, что иначе будет некрасиво. Но до какой же степени они ему надоедали! Большинство этих людей исчерпывает себя в разговоре за одну-две минуты и начинают повторяться, как будто в них самоперематывающаяся плёнка аудиокассеты с записанной на ней в плохом качестве информацией.

«Но, – решил он посмотреть на проблему с другой стороны – многое ведь от меня зависит. Если у меня есть внутренний запрос, то наверняка при старании, я могу раскопать то, что нас могло бы объединять... Например, с теми девочками в «Макдоналдсе», что попросили у меня чизбургер, а, когда я им отдал, университетские приятели отчего-то заржали... Когда это было?»

В слабом фокусе, растворяющегося во сне сознания, продолжали течь мысли, то вырываясь на поверхность и доходя до погружавшегося в сон разума, то теряясь в общем потоке... Перед глазами шевелятся ветки деревьев на стене, листья качаются вразнобой вместе с ними... Они свиваются, двигаются, ползут куда-то на шести тонюсеньких лапках, перетаскивая своё каплеобразное тело по стене. Сплошной поток мелких муравьёв сбегает с потолка вниз... Один круп-

ный муравей беспорядочно бегаёт по стене – он как будто потерял связь с маткой и не знает, что ему теперь делать. Вдруг сплошной поток мелких муравьёв вспучивается и дугой смещается в сторону одинокого, мечущегося муравья. Его подхватывает тьма муравьёв и за лапы тащит в общий поток. Муравей сопротивляется, но маленьких много. Вдруг они стали тянуть его в разные стороны – каждый в свою. Они оторвали ему лапы и муравей, лишившись возможности бегать по стене, полетел вниз и упал на него.

Но он лежит под одеялом, так что это не страшно. Завтра он проснётся и стряхнёт трупик.

Глава III

В кафе было тепло и уютно. Холодный сырой вечер сгустился краски за стеклянной стеной, но внутри горел яркий свет, и приятная музыка отдавалась в душе спокойствием. От барной стойки в его сторону двигалась красивая девушка почти в неглиже.

– Принести ещё чай? – вежливо спросила она, наклоняясь вперёд, так что не смотреть на её полуобнажённую грудь было почти подвигом.

– Нет, благодарю. Можно мне картошку фри?

Девушка на секунду задумалась.

– Я сейчас уточню на кухне, – почти пропела она мелодичным голосом и всё также грациозно зашагала в сторону бара.

«Вот же ж...», – пролетело восклицание в голове Владислава. «Ещё чулки им эти выдали... А что это за заведение вообще?» Его вдруг передёрнуло. Он помнил, как шёл по Пятницкой, потом свернул в один из многочисленных переулков, но вот последних метров перед кафе он не помнил. Вместо этих секунд в полотне памяти образовался чёрный прямоугольник.

Он резко встал и пошёл к выходу. Почему-то шаг через порог дался ему с огромным трудом, как будто он шагал за порог чего-то неизведанного и потому потенциально опас-

ного.

Он отдалился от двери кафе всего на метр, чтобы разглядеть его название. «Зло», – гласила светящаяся вывеска, выведенная шутливым шрифтом. Буквы были красного цвета и состояли из лампочек и неоновых лент. Название выглядело скорее игриво, чем зловеще, но у Владислава пробежали липкие мурашки по спине.

– Вы уходите? – спросила вновь вошедшего Владислава официантка, теребя ручку в кармане белого фартука – единственного, что прикрывало её великолепно сложенное тело.

– Нет, я остаюсь...

– А, а то картошка здесь возможна. Вам одну порцию?

– Сколько это?

Девушка снова зависла.

– Извините, – как будто смутившись, сказала она – я сейчас уточню. И вновь продемонстрировала свою лёгкую природную грацию.

Влад сел на прежнее место и погрузился в оцепенение.

Если допустить, что то, что с ним происходит – реально, то следует обратиться в церковь. Ведь если чертовщина реальна, то и её официальные враги должны обладать силой, чтобы с ней бороться. Ну, а, если нет... Значит он болен. В последнее совсем не хотелось верить. Мысль, что нужно идти к психиатру выворачивала похлеще ночных страхов. А вдруг он ошибётся, и эти зловещие явления окажутся реальностью? Тогда он будет беззащитен перед настоящей опас-

ностью, валяясь обколотым психотропными, где любая его просьба о помощи будет трактоваться как обострение заболелания...

– Сто пятьдесят грамм, – произнёс женский голос. Влад вздрогнул.

Видимо девушка что-то прочитала в его взгляде, она сказала:

– Я про картошку.

– А, – сказал Влад – да.

– Будете заказывать?

– Да. И чай с трёхлистником.

– Я уточню есть ли он...

– Не надо, я пошутил. Просто повторите.

– Хорошо.

За барной стойкой сидел толстяк в белой рубашке с закатанными рукавами и в джинсах. Когда Владислав оглядывался, то видел, как тот всё пытался остановить официантку или коснуться обнажённых частей её тела. Той, видимо, было привычно такое отношение – она даже не отвечала на его колкие шутки, только ловко, можно сказать профессионально, уклонялась от его пальцев-колбасок. В какой-то момент толстяку всё-таки удалось завести с ней разговор (Влад отметил про себя его настойчивость и напор), он что-то рассказывал, быстро и энергично тараторя. Девушка слушала его вполуха, но затем стала отвечать и шутить в ответ. Влад не слышал как, но тот уломал её на поцелуй в щёку, и когда

официантка приблизила своё личико к его, извернулся и поцеловал её в губы. Та резко отстранилась, но не стала поднимать шум или кого-нибудь звать — а просто развернулась и пошла к одному из столов. Владислав не видел её лица, но почему-то ему показалось, что она нисколько не обиделась.

Потом было ожидание.

Неожиданно он вспомнил, что в школе был большим хулиганом. Многие ушли из класса по его вине. Среди прочих забав в его арсенале было наглое ощупывание девчонок на переменах и имитация с ними полового акта на партах. Он никогда не задумывался, как они к этому относятся, а сам никогда не относился к этим выходкам всерьёз. Странно, но при всей девиантности своего поведения Влад всегда думал, что окружающие воспринимали это как шутку, то есть серьёзного влечения к жертвам таких выходок он не испытывал и полагал, что и они не воспринимают его действия как сексуальные. Скорее напротив — он думал, что такое поведение отвратит любую нормальную девушку от парня. Но потом в жизни ему приходилось сталкиваться с обратным.

Также и сейчас — вопреки его убеждению, официантка совершенно невинно отнеслась к проделкам толстого мужика за стойкой.

Вообще, людям, которые не ведут того, что в старину называли светской жизнью, многое в ночных питейных заведениях кажется странным и диким. Даже внешне не вызывающее поведение, отдаёт какой-то первобытностью. Все они

приходят в подобные заведения, чтобы отпустить себя с привычных поводков, немного высунуть носы за пределы стойла и при возможности показать себя. И для большинства из них это означает проявить самые низменные свои качества.

Кафе-бар, при всём своём эстетическом изяществе, по состоянию находящихся в нём людей, оправдывал название.

Владислав огляделся вокруг. За столиками сидели люди совершенно разных слоёв и достатка: от лохматых подростков с безумными глазами до нескольких изысканно одетых пожилых мужчин с молодыми особами, сидящими рядом. Владислав снова окинул взглядом весь зал. Что-то будто бы связывало всех людей, находящихся здесь, что-то невидимое и тихое, как весенний ветерок в листве. Но оно явно ощущалось, примерно, как больничный запах извещает человека, в какого рода здании он находится.

Была уже ночь, а Влад всё не поднимался. Хотелось спать, но идти домой ему совсем не хотелось. Бывает такое, когда пригреешься в метро после морозной улицы и хочется ехать дальше, мимо своей станции, лишь бы не отрываться от сиденья.

– Чмак ты, – раздалось над плечом.

Он повернул голову: две девушки подходили к столику сбоку от него – он так и не понял, кому была адресована фраза. Заметил только, что обе странно похожи и что у обеих лица как будто смазаны.

Большое окно-витрина, перед которым он сидел, выходи-

ло на узкую улочку и ни машин, ни людей там уже давно не было. Ему только показалось странным, что она не была освещена фонарями. Он вспомнил светлое пятно от фонаря на асфальте, которое было у входа. Сейчас его не было. «Который же теперь час, если уже фонари выключили? Если их вообще ночью выключают.» Он полез в карман за смартфоном, чтобы посмотреть время... Раздался резкий звук: удар и вслед за ним скольжение по стеклу. Владислав поднял голову. На него из темноты смотрел человек, длинный нос которого, распластаный по стеклу, делал его похожим на вылепленную из пластилина фигурку. Он выскочил из тёмного пространства вне досягаемости света из витрины кафе, и сейчас этот свет выхватывал только маленькое пятно его странного лица – остальное покрывала темнота.

Человечек улыбался и строил рожи, но взгляд его при этом оставался сухим и сосредоточенным, как будто он хотел оценить реакцию Владислава. Но Влад только смотрел на него, не показывая и тени беспокойства, как морское животное, укрывшееся в норе и знающее, что нельзя попадаться на приманку хищника, нельзя даже пошевелиться, иначе тот заметит. Вдруг человечек перестал кривляться, радостно оскалился, хотя взгляд его не изменился и показал Владиславу за спину. Влад продолжал смотреть носатому прямо в наглые влажные глаза. Наконец, тот дёрнул головой, повернулся и исчез в темноте – та, как будто была жидкой и поглощала всё, что выпадает из маленького окошка света. Он

стал медленно поворачивать голову.

Первое, что он увидел, были смазанные, окаймлённые тёмными волосами, лица девушек, что недавно пришли сюда. Влад не стал задерживать на них взгляд, хотя они как будто ловили его. Довернув голову почти до предела, он уставился в то место, куда показывал уродец. На стене над барной стойкой висела голова оленя с длинными рогами и открытым ртом. Он вспомнил, что когда только вошёл, эта голова показалась ему лишним элементом: как будто дизайнер перегнул в создании игриво-злой атмосферы. Теперь голова была живой. Он чувствовал волны ужаса, исходящие от головы как от живого оленя, истекающего кровью при виде охотника, идущего к нему с ножом. Но это уже был не просто страх. Что-то использовало предсмертный ужас беспомощного существа, чтобы посеять в нём чудовищную злость.

Влад долго смотрел на мёртвую голову оленя. Как ему казалось, до отупения долго.

Глаза чучела резко повернулись в его сторону.

Он проснулся как от удара под дых. Сердце бешено колотилось, а холодный липкий пот вызывал желание как можно скорее снять одежду и смыть его.

Электрический свет за окном выхватывал пятна и правда безлюдной улочки с кусками тротуара по обеим сторонам от неё.

Официантка быстро приблизилась на его зов.

– Водки.

– У нас нет водки, я сейчас принесу Вам меню.

– Хорошо, давайте.

Он пошёл в туалет и умылся. Вытирая лицо салфеткой, поднял глаза на зеркало. Белки были унижены красными жилками, а в центре глаз затаился ужас зайца, за которым гонится свора. Происходящее начало истощать его.

Закрыв деревянную дверь с тематически выстроенной резьбой, Владислав пошёл в зал. Первое, на что он обратил внимание, было меню на его столике. А вторым было... Он остолбенел. Две девушки, которых он видел во сне, и правда сидели справа от его стола. Постояв немного, чем стал вызывать раздражительные пьяные взгляды ночных гостей, Влад успокоил себя тем, что увидел их до того, как уснул. Хотя он точно помнил, что сразу же обратил внимание на их смазанные лица. Сейчас лица девушек были серьёзными, даже сосредоточенными. Они БЫЛИ. Он сел и глубоко вдохнул.

Меню представляло из себя шутку в духе тематических кафе: почти все блюда здесь были теми же, что во всех кафе с общеевропейской кухней, но содержали в названии приставку «Зло». И стояли, как во всех тематических кафе, баснословных денег. «Злогольная карта», – гласила надпись над алкогольными напитками. Влад отыскал зловодку «Зло-слофф», и, хотя он был уверен, что такого бренда не существует и что это вполне может оказаться недорогая популярная разновидность, продаваемая здесь шутки ради с накруткой в четыреста процентов, он заказал именно её.

Оставив меню у себя, он из интереса полистал его. Меню закусок: злольшмары, злоноги, зловетки и злораки. Дойдя до злокаронов, он закрыл буклет.

«Когда я увидел этих девушек и мужчин с размалёванными шлюхами? – рассуждал он. – Ведь я точно спал, когда девушки пришли».

Во время раздумья, его лицо смотрело прямо в большое стекло перед ним, но взгляд был обращён внутрь: он пытался восстановить события. В какой-то момент он сфокусировался на стекле и в отражении стекла увидел, что и мужчины с девочками, и две подруги сбоку пристально смотрят на него, а затем услышал, оглушившую его, тишину.

Бывают моменты, когда плохо становится настолько, что человеку уже всё равно. Владислав не знал, почему ему плохо и что с другими гостями не так. Он просто встал, выпил рюмку обжигающе-горькой водки, бросил на стол купюру, быстро подошёл к вешалке, снял куртку и вышел из кафе. Он двинулся в направлении ближайшей станции метро, слушая больше интуицию, чем разум. Он помнил, что шёл по Пятницкой, прежде чем оказаться в этом переулке, но сколько времени занимал чёрный прямоугольник в его памяти он не знал, так что он вполне мог быть где-нибудь в центре, в переулках между Театральной и Кузнецким Мостом.

И больше его не пугали тёмные пятна между фонарями, которые, как он видел, могут порождать демонов и безумцев. Сейчас море было бы ему по колено, а разбушевавшаяся

жизненная энергия не находила берегов.

Глава IV

– Да откуда бы им взяться?! – кричала в трубку девушка со светлыми с редким серебряным отливом волосами – Ты сама сказала, что привезёшь их, я и не стала, а ты забыла и на меня валишь!

Она кричала, привлекая внимание всего автобуса, ползущего в пробке по Минскому шоссе на севере Москвы. Была пятница и весь поток стремился подальше из переполненного, вечно нервного города, жаждающая природы и тишины.

Владислав втиснулся в автобус у метро Славянский бульвар и теперь ему приходилось передавать за проезд со всего автобуса. Обычно такими просьбами докучают старухи, но сейчас альтернативы и правда не было. Небольшой корейский автобус забился под завязку, и водитель-азиат явно не собирался прекращать набирать пассажиров, хотя за Владиславом, и так висевшем на подножке, умудрился пристроиться какой-то парень в странной круглой кепке красного цвета и белой футболке с надписью на английском.

– Да когда бы это ему нужно было?! – возмущалась девушка, привлекая внимание салона – Вот взял бы и привёз.

Со всех сторон посыпались шиканья и причитания в воздух о невоспитанности молодёжи, но девушка была так увлечена, что абсолютно не замечала их.

В салоне было жутко душно, а от близости потных старых

и молодых тел начинало подташнивать.

Есть такой удивительный сорт людей, которые при самых неблагоприятных условиях умудряются сохранять чуть ли не парадный вид, их не берёт ни жара, от которой пот должен бы струиться градом, ни грязь на улицах, что долетает до задницы. Такое ощущение, что они не потеют и не пачкаются.

Эта девушка принадлежала как раз к этой породе. От неё веяло свежестью, что тоже обращало на себя тонну внимания.

Тут Влад заметил, что не один смотрит на неё. Его взяло раздражение от наглого взгляда некоторых мужчин на это прекрасное существо.

Он решил с ней познакомиться.

Когда она протиснулась к выходу, Влад пропустил, а потом вышел вслед за ней. Он даже забыл зачем ехал в область, а попытавшись вспомнить, решил, что человек работает, чтобы жить, а не живёт, чтобы работать. Так что, если нет личной жизни, для чего работать?

Девушка невероятно манящей походкой, не содержащей, однако, ничего вульгарного, направилась к стеклянному мосту через шоссе, по которому они только что ехали. Он быстро догнал её и окликнул:

– Привет!

Девушка остановилась.

– Привет.

– Мы не знакомы, – быстро проговорил он, предвосхищая

её вопрос – но можем таковыми стать, – он улыбнулся.

Девушка улыбнулась в ответ.

– Я сейчас тороплюсь, так что не в этот раз, – ответила она.

– До другого раза надо дожить, – снова, как бы шутя, сказал Влад.

– Ой, не люблю этот крестьянский фатализм, – поморщилась девушка – я считаю, что всё в наших руках.

– Я тоже так считаю – просто пошутил.

Повисла неловкая пауза.

– Так что, давай запланируем другой раз? – уже с натянутой бодростью спросил Влад.

– Подожди, дай подумаю...

Она и правда очень комично поднесла ручку к подбородку и сделала вид, что думает. Влад в эту минуту ощутил, что мир вокруг как будто истёрся, а всё его внимание сосредоточилось на милом и живом лице незнакомки.

– Не знаю, – она убрала руку, но лицо её при этом осталось задумчивым и как будто немного расстроенным – у меня есть парень, но мы сейчас в сложных отношениях.

Ступни Влада похолодели. Он начал злиться, что, как ребёнок, стоит перед этой особой и ждёт её решения.

– Ладно, давай встретимся. Только я ничего тебе не обещаю.

– Ладно, ладно, я ничего не требую – просто хочу поговорить.

Девушка странно посмотрела на него. А его крайне обескуражила её откровенность. Похоже, она входит ещё и в породу тех, кто может говорить любые откровенности и даже глупости, не лишаясь шарма и уважения окружающих. Скорее таким людям это даже идёт.

– Дай свой номер, – сказал Влад, доставая смартфон.

Она продиктовала номер, но сделала это так, чтобы он не успел его записать. Обычно он плохо усваивал информацию на слух, что часто мешало в работе, но в этот раз повезло: ряд цифр отпечатался в мозгу её красивым голосом, так что он успел перенести его в аппарат.

Когда Влад поднял голову, она уже поднималась по ступенькам, ведущим в стеклянную трубу.

– А как тебя зовут? – крикнул он.

Она остановилась, повернула голову и сказала:

– Валерия.

А затем снова пошла вверх, как будто никакого разговора не было.

Испытывая жгучее раздражение неизвестно на что, Владислав пошёл обратно к остановке.

«Валерия... Удивительное природное достоинство. И ведь высокомерным его не назовёшь».

В эту ночь ему не снились кошмары.

Глава V

Утро выдалось погожим. Не было ни хмури, ни привычного смога, свойственного московскому воздуху в последние три десятилетия.

Владислав поднялся с постели и направился на кухню поставить привычный кофе. Потом он пошёл в ванную, внимательно осмотрел лицо, не найдя на нём ставших верными спутниками чёрных мешков.

Когда кошмары только начали его преследовать, а способность радоваться жизни и думать о ней в светлых красках, ещё не была вытеснена мрачными мыслями о рвущихся сквозь трещины в реальности демонических сущностях, он в шутку объяснял коллегам свой внешний вид родством с пандами. Сейчас же он чувствовал себя прекрасно, как, наверное, не чувствовал себя после окончания университета.

Под утро ему даже приснился сон, где он стоял или парил среди звёзд, и те что-то говорили ему о его будущем, только он позабыл что именно.

Приняв душ и почистив зубы, Влад вернулся на кухню и включил песню «Арии» – «Улица роз». Давно он не слушал ничего, кроме унылого депрессняка американских семидесятых и рвущего жилы киберпанка. В приподнятом настроении он стал просматривать файлы, присланные ему одним из заказчиков для продвижения каких-то новых самозатя-

гивающихся ремней. Сущность задания сводилась к следующему: заставить потребителей думать, что это приобретение теснейшим образом связано с потерей веса. В противном случае эти безделушки оказывались бесполезными, потому что зачем нужен самозатягивающийся ремень, если человек, затягивает его, просто надевая? Очередная чушь от восторженных стартаперов, повывраставших как грибы после дождя, в последние пять лет. Но работа есть работа, так что Владислав придумал несколько крючков, которые могли бы зацепить больные зоны в подсознании изнывающих от бесполезности своей жизни зажиточных горожан.

Отодвинув в сторону ноутбук, он отхлебнул кофе из кружки. Строго говоря, он его не любил – просто мода на утро с кофе, а также необходимость стимуляции мозга, вынуждали потреблять в день какое-то количество этой горькой похлёбки. Хотя со временем человек ко всему привыкает, особенно к тому, что вызывает привыкание.

Влад посмаковал напиток, погонял глоток во рту, затем принялся вызывать в себе разного рода случайные ассоциации, связанные с замозатягивающимися предметами всех видов и их потенциальными потребителями. Почему-то вспомнилась сказка про обжору, который скушал сорок человек. Робин-Бобин-Барабек, кажется, его звали. Стало смешно, когда он начал вдумываться в это имя. Оно содержало в себе англо-саксонское имя: Робин и искажённое «Боб», что является сокращением от Роберт, что созвучно

с Робинотом. Похоже, автор сего, будучи сведущ в англо-саксонском мире, использовал это знание, чтобы высмеять буржуев. А в конце это имя делает отсылку к перманентному злу в Древней Руси, концентрированному образу кочевника с тоненькими усиками, о чём свидетельствует слово «Бек» в конце. Эдакий концентрат советского антагониста, положенный на основу главного ужаса наших далёких предков.

– Так, к чему это я? – сказал он вслух.

Ещё глотнув кофе, он снова задумался. В принципе, можно сделать что-то в этом духе – как бы в шутку, но так, с намёком на то, что реципиент рекламы понимает, что её создатель шутит и при этом знает, что реципиент поймёт, что он пошутил, так что между ними устанавливается невербальный доверительный контакт, отчего у потребителя может возникнуть желание купить рекламируемый предмет, чтобы не обидеть своего виртуального друга.

Но потом подумал, что до руководства эту мысль донести будет сложнее, чем до потребителя и остановился на традиционном приёме, из тех, что описывают в учебниках по маркетингу: создать привлекательный образ и при помощи безумного слогана, никак не связанного с рекламируемым предметом, заставить потребителя запомнить этот образ.

В качестве черного варианта он выбрал следующее: толстый человек идёт по джунглям, к нему по веткам деревьев ползёт огромный питон. Он набрасывается на человека и сдавливает его в кольцо, а затем начинает быстро вращаться

вокруг него, и превращается в ремень. Слоган: «не жди, пока голодный питон съест твою фигуру – просто натяни его».

Над деталями ещё нужно будет поработать, но в целом картина ему нравилась.

Влад стал быстро собираться. Настроение было приподнятым. Он чувствовал, что на горизонте сознания маячат чёрные тучи, но старался туда не смотреть. Пока его ничего не беспокоило, и поэтому он сам решил себя не беспокоить.

На улице парило, как перед грозой, хотя небо было ясным. Влад быстрой походкой дошёл до метро и спустился в подземку. В вагоне, как обычно было душно, люди тёрлись друг о друга, а некоторые, когда поднимали руки, чтобы взяться за перила, распространяли вокруг такую вонь, что нахождение рядом с ними превращается в моральный подвиг. Было где-то половина девятого и орды трудящихся направлялись из спальных районов в трудовые загоны Москвы. Город как будто вдыхает в себя человеческие частицы утром, чтобы высосать из них энергию, как лёгкие кислород, а вечером выдыхает выжатый материал. Лица, как всегда, были угрюмы и выглядели задумчиво.

Перед Владом освободилось место, он сел, чтобы не мешать человеческому потоку циркулировать внутри вагона. Тут часто приходится так делать. Люди обступили его, так что противоположных сидений вагона не было видно. Когда тела сдвигались, его взгляд падал на сидевшую прямо перед ним светловолосую молодую женщину с кожаной сумкой и

чайного цвета большими глазами. Каждый раз, когда проходил между ними освобождался, он ловил на себе её пристальный взгляд. Странно – у него не возникало ощущения, что она хочет что-то сказать. Это был просто взгляд. Неподвижный и бессмысленный. Влад даже подумал, что она смотрит не на него, а в пространство за ним – такое тоже часто случается. Но потом он понял, что она смотрит именно на него, и ему стало не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.